

Словами по холсту Ретроспектива Эрика Булатова в ЖЕНЕВСКОМ МУЗЕЕ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА МАМСО рассказывает АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

РЕДКОЕ СОБЫТИЕ — большая выставка Эрика Булатова. Не потому, что его мало знают. Напротив, в списке анти-советских классиков его упоминают сразу после Ильи Кабакова, а многие даже выдвигают вперед. Он и вправду замечательный и до последнего времени мало оцененный (в денежном смысле) художник. Его старые работы вывозились со штампом «Художественной ценности не имеют», когда же на аукционе Phillips de Pury его «Советский космос» продали за \$1,4 млн, стало понятно, что мы с ним навсегда опоздали.

Потому что в наших музеях его практически нет. Булатов давно живет в Париже, в Москве бывает наездами, и последняя его выставка прошла в Третьяковке в 2006-м по инициативе фонда «Екатерина». Между выставками — пусто, походи найди его вещи в Москве. Одна работа в той же Третьяковке. Причем эту картину, которую Булатов написал специально по заказу главного национального музея, Минкульт оплатить отказался. Тогда художник картину подарил. А так бы не было и ее.

Зато в трех часах полета — город Женева, где до 17 января Булатову отдан целый этаж Музея современного искусства МАМСО. Живопись, графика, множество работ, в том числе и тех, мало нам знакомых, где художник изменил кириллице с латиницей. Дело в том, что основной прием булатовской живописи — крупные надписи поверх холста, которые, как правило, и дают название его работам. «Единогласно», «Живу-вижу», «Слава КПСС» и вот теперь «La Liberté», как дань западным свободам.

Уроженец Свердловска, Эрик Булатов едва ли не единственный классический русский живописец среди московских концептуалистов. Он с отличием окончил Суриковский институт, вуз, который в отличие от Строгановки, ВГИКа или театрального, выпускал художников-станковистов. Никаких уклонов в дизайн или в сценографию. Его готовили к тому, чтобы писать картины, выставлять их на выставках, жить заказами и покупками, которыми в советское время не обходили даже самых малоталанливых художественных писак. Если они не зарывались.

В итоге, как и его коллеги — Кабаков, Васильев, Горюховский, Макаре-

«Вход — Входа нет», 1974–1975 годы, коллекция Центра Жоржа Помпиду

«Живу дальше», 2008 год, из коллекции August Collection

«Откуда я знаю куда», 2009 год, из коллекции галереи Skopja в Женеве

«Наташа», 1978–1979 годы, частная коллекция

вич, — он зарабатывал на жизнь книжной графикой, чаще всего — иллюстрациями для детей. Это вовсе не было халтурой — детская иллюстрация в Советском Союзе была чрезвычайно почетной и хорошо оплачиваемой работой. Еще никто не догадался собрать и издать конформистскую книжную графику наших нонконформистов, а книжка вышла бы замечательно красивой. «Это очень дисциплинировало: год делился пополам, за полгода надо было заработать денег, чтобы хватило на вторые полгода и можно было картины писать», — рассказывал Булатов в одном из своих интервью.

При этом Булатов оставался едва ли не единственным среди них класси-

ческим реалистом. Недаром он говорит, что его любимые живописцы — Левитан и Саврасов. Его не тянуло ни в инсталляцию, ни в перформансы, он не был даже настоящим соц-артистом, художником, высмеивающим советские штампы вроде блестящих остроумцев Комара и Меламида,

которые старомодным выпреним стилем изображали рабочего, встретившего после демонстрации зеленого змия, или юную пионерку, мастурбирующую перед зеркалом. Его не интересовал и коммунальный язык кабаковских инсталляций — хармсовского духа рассказы, написанные маслом по холсту вроде «графика выноса мусорного ведра».

Булатов позволил себе только одно — он разделил свои работы на два плана. На ближнем рубленым плакатным шрифтом было написано несколько слов, а за этими словами начиналась классическая живопись — как правило, пейзаж. Просто слова эти чаще всего были лозунгом. В советских плака-

тах другие видели только позор и ужас или повод для насмешки. Булатов сделал их элементом рефлексии, частью жизни, которой живет в СССР человек и художник, а ведь так оно и было.

И вот по булатовскому реалистично написанному небу поплыли буквы «Слава КПСС», идиллический пейзаж у реки был промаркирован словами «Опасно», а на песчаном прибалтийском пляже горизонт заменила красная ковровая дорожка. Это могло вызывать усмешку, но вызывало оторопь, потому что здесь не было издевки. Художник с изумлением разводил руками, глядя на то, что происходит с нашим советским внутренним миром.

И когда он изображал монументального и усыпанного золотыми звездами Брежнева на фоне заходящего, как раскаленное солнце, советского герба, он не смеялся ни над шамкающим генсеком, ни над громоздкой коллекцией республик, собранных между колосьев. И то и другое он представил как художественные объекты — никто никогда не писал и, вероятно, уже не напишет такого портрета, потому что официальные живописцы не могли столь свободно и человечно подойти к своей полумертвой натуре.

И здесь, по мнению советского искусствознания, он, конечно, зарывался. Теперь, по прошествии многих лет, на выставке в чужой стране понимаешь суть его расхождения с советской властью. Ему не могли простить изумления перед тем, к чему все давно привыкли. Потому что между собой и советской жизнью Булатов ставил музейное стекло, на котором писал свои слова — как пояснения к экспонату кунсткамеры.

Женева, Musee d'art moderne et contemporain MAMCO. До 17 января